

ЗНАНИЕ ОТ СВИДЕТЕЛЬСТВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Гагинский Алексей Михайлович – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: algaginsky@gmail.com

Автор ставит ряд вопросов относительно теории Дж. Греко, который различает два вида свидетельского знания: свидетельство как приобретение знания и свидетельство как распространение. В частности, автор высказывает сомнения в том, что указанное различие является непротиворечивым и, следовательно, полезным для современной эпистемологии. В результате делается вывод о том, что теория Дж. Греко нуждается в уточнениях, без которых она будет либо тривиальной, либо ошибочной.

Ключевые слова: знание, свидетельство, Дж. Греко, авторитет, эпистемология

TESTIMONIAL KNOWLEDGE: SOME PROBLEMS

Alexey Gaginsky – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: algaginsky@gmail.com

The author discusses a number of questions about the theory of John Greco, who distinguishes two types of testimonial knowledge: testimony as transmission of knowledge and as distributing of information. The author expresses doubts that this difference is consistent and, therefore, useful for epistemology. He argues that John Greco's theory needs some refinements without which it will be either trivial or erroneous.

Keywords: knowledge, testimony, John Greco, authority, epistemology

Сначала мне хотелось бы сказать несколько слов о том, что статья Дж. Греко представляет несомненный, с моей точки зрения, даже насущный, интерес, после чего я перейду к более обстоятельному критическому рассмотрению основной части его работы.

В заключении Дж. Греко ставит вопрос об условиях институциональной передачи знания. Среди важнейших предпосылок такого способа передачи он выделяет наличие авторитета, что особенно важно в отношении религиозной эпистемологии (да и религиозной веры вообще). При этом автор справедливо замечает, что эпистемический статус религиозного авторитета зависит от его морального статуса, поскольку безнравственным людям и институтам не доверяют, не считают, что они могут сообщать истину. Будучи американцем, Дж. Греко приводит в пример католическую церковь в США, которая, стремясь сохранить эпистемический авторитет, покрывала сексуальные домогательства священников, что в результате привело к тому, что моральный и, как следствие, эпистемический авторитет Церкви – безотносительно к какому-либо научно-техническому прогрессу, чисто на бытовом уровне – был существенно подорван. В конце концов,

автор делает вывод: «Соответственно, епископы должны отвечать за причиненный ими эпистемический ущерб Церкви, как и за более очевидный нанесенный моральный ущерб» [Греко, 2017, с. 44].

Все это заслуживает внимания уже потому, что в отечественной культуре, насколько мне известно, такого рода вопросы никогда не обсуждались с точки зрения эпистемологии, вследствие чего выражения вроде «эпистемический ущерб Церкви» звучат несколько непривычно. Тем не менее, учитывая особенности российского общества, такого рода обсуждение представляется крайне насущным в свете позиции Московского Патриархата – крайне активной по одним общественным вопросам и крайне пассивной по другим. Более того, такое обсуждение требуется самой системой ценностей, которую исповедует РПЦ, являясь преемницей древней святоотеческой традиции. Дело в том, что само понятие «Отец Церкви», которое является базовым для православного богословия, включает в себя представление об авторитете (см.: [Столяров, 2004, с. 15–20]), куда включаются как моральный, так и эпистемический аспекты. Именно поэтому отсутствие рефлексии относительно эпистемической ответственности заставляет поставить вопрос о верности нынешнего курса РПЦ своей собственной традиции. Впрочем, в этом нет ничего нового: история христианства представляет собой постоянную борьбу за то, чтобы соответствовать своему высокому имени. При этом следует отметить, что преимущество эпистемологии религиозной веры заключается в том, что это подход научный и беспристрастный, опирающийся на логику, а потому не имеющий какого-либо предубеждения относительно рассматриваемого предмета. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что для нынешних российских реалий такого рода обсуждение является насущной необходимостью и статья Дж. Греко в этом отношении приходится как нельзя кстати. Иными словами, у Церкви не должно быть эпистемических льгот, подобных налоговым.

Теперь я перехожу к обсуждению теоретической части статьи.

В современной эпистемологии имеется трудность, именуемая проблемой демаркации, связанная с вопросом о том, что можно считать знанием, ибо таковым нередко объявляется то, что не следовало бы объявлять, и наоборот, порою не называется знанием то, что следовало бы назвать. В результате возникает скептическая тенденция, для преодоления которой Дж. Греко предлагает различать два вида свидетельского знания (*testimonial knowledge*)¹. А именно, он обращает внимание на то, что в одних случаях *свидетельство* (*testimony*) является способом *приобретения* знания, тогда как в других оно служит для его *распространения*. Насколько можно судить, данное различие является основой для последующих выводов автора, вследствие чего именно эту дифференцию и следует рассмотреть в первую очередь.

¹ Как отмечает И.Т. Касавин: «“Testimony” – слово, собственно философского значения которого, как это нередко бывает, не найти в словарях» [Касавин, 2013, с. 49].

1. Хотя различие двух видов свидетельского знания выглядит достаточно изящно, следует поставить вопрос о том, насколько оно соответствует действительности. К примеру, когда я читаю статью Дж. Греко «Свидетельство и передача религиозного знания», какого рода свидетельство имеет место? С одной стороны, с помощью данной статьи определенные идеи *распространяются* в научном сообществе, благодаря чему и я ознакомился с ними; с другой стороны, свидетельство автора является для меня не чем иным, как *приобретением* некоторого знания. Отсюда следует, что в случае чтения статьи распространение и приобретение знания совпадают. А это побуждает поставить вопрос о том, насколько легитимно данное различие, ведь если нет четкого критерия, на основании которого какое-либо свидетельство можно отнести к тому или иному виду знания, то само это различие оказывается проблематичным. Скажу более резко: если мы не можем в каждой конкретной ситуации определить, каким видом знания является поступающая информация, то различие указанных видов знания оказывается бесполезным.

Приведу еще один пример. Когда сын возвращается из школы и отец спрашивает у него, какую оценку он сегодня получил, речь идет о приобретении или распространении знания? Согласно Дж. Греко, их диалог следует отнести скорее к виду распространения знания. Однако сын может быть заинтересован в том, чтобы скрыть свое разгильдяйство, если таковое имело место, тогда как отец, напротив, стремится к тому, чтобы получить правдивую картину того, что было в школе. В их диалоге присутствуют оба вида свидетельского знания, поскольку один участник распространяет информацию, тогда как другой приобретает. В результате остается неясным, как должен быть квалифицирован этот диалог.

Эта ситуация приводит к необходимости рассмотреть еще один аспект теории Дж. Греко, который в обсуждаемой статье не учитывается.

2. Исходя из примеров, которые приводит автор статьи, можно заметить, что один участник диалога [1] всякий раз занят распространением, или передачей знания, тогда как другой [2] – его приобретением. В примерах Дж. Греко передачей знания [1] заняты: очевидец, соискатель, прохожий, приятель, учительница и мать, распространяющие информацию, т. е. передающие знание, которым они уже обладают; с другой стороны, приобретают знания [2] следующие персонажи: следователь, работодатель, путешественник, организатор вечеринки, ученик и ребенок – все они приобретают новую информацию, неизвестную им прежде. Иными словами, всякий раз приобретает один, а распространяет другой. Но если люди, подпадающие под категорию [1], лишь транслируют то, что они уже знают, то очевидно, что они ничего не познают и, следовательно, распространение знания не может считаться одним из видов познания. Кажется, автор не заме-

чает этого, что приводит к некоторым трудностям. Поясняя приведенные примеры, Дж. Греко пишет: «Разумеется, совсем не очевидно, как трактовать эти случаи: а именно не совсем ясно, на что следовало бы указать в отношении *каждого* из них. ...Это так потому, что во всех случаях к слушающим предъявляются совершенно разные требования» [Греко, 2017, с. 28]. Ясно, что только к *слушающим* (воспринимающим информацию) предъявляются эпистемические требования, потому что только слушающие познают, т. е. приобретают знания, именно к ним и предъявляются различные требования. Однако слушающими являются только люди из категории [2], тогда как под категорию [1] попадают *говорящие* (сообщающие информацию), уже обладающие знанием, которые ничего не приобретают в эпистемическом отношении. Это приводит к двум выводам.

а. Если источник информации считается надежным, полагает Дж. Греко, то имеет место распространение знания, а если ненадежным, то приобретение. Но в таком случае результат будет достаточно тривиальным, ибо очевидно, что надежным источникам знания мы доверяем больше, чем ненадежным, вследствие чего и требования к ним предъявляются разные. Более того, на этом основании еще нельзя утверждать, как делает автор, что знания, полученные из надежного источника, не составляют единого вида с теми знаниями, которые получены из ненадежного.

б. Ошибочно называть действия по передаче знания, или распространению информации, одним из видов знания от свидетельства, потому что требования эпистемического характера предъявляются только к слушающим, подпадающим под категорию [2], которые *всегда приобретают* определенную информацию, тогда как тот, кто эту информацию распространяет, т. е. попадает в категорию [1], ничего не познает и поэтому к нему не могут предъявляться требования, которые предъявляются к познающему субъекту.

Вероятно, одним из слабых мест теории Дж. Греко является сам язык, на котором обсуждается данная проблематика, поскольку выражения типа *testimonial evidence* (свидетельские данные), *testimonial tradition* (традиция свидетельствования), *transmission of knowledge* (передача знания), *distributing information* (распространение информации) и др. уводят от понимания того, что свидетельская, т. е. дистрибутивная функция, или деятельность, не входит в понятие знания, но представляет собой отдельный сопутствующий процесс, вследствие чего к нему естественным образом применяются иные требования, отличные от тех, которые применяются к деятельности по приобретению знания, т. е. к познанию. Дж. Греко замечает это различие, но делает отсюда не вполне корректный, с моей точки зрения, вывод о том, что приобретение и распространение являются двумя видами свидетельского знания (*testimonial knowledge*), тогда как *деятельность по*

распространению информации не является видом знания. В связи с этим я полагаю, что само выражение *testimonial knowledge* нуждается как минимум в уточнении.

По-видимому, Дж. Греко ощущает эту трудность, поэтому вместо категории «слушающий» в статье появляется новое понятие – *система*, в которую уже включаются как слушающий, так и говорящий, что иллюстрируется рисунком 1 [Греко, 2017, с. 32]. Однако понятие «системы» в данном случае проблематично:

а) если в систему включается как воспринимающий (слушающий), так и распространяющий (говорящий) информацию, то нельзя говорить о *проникновении* информации в систему, потому что она уже присутствует в ней в лице говорящего;

б) если в понятие системы включается только слушающий, то не трудно заметить, что ни один человек, подпадающий под категорию [2], сам по себе не является системой, т. к. это понятие возникает только в смысле взаимодействия говорящего и слушающего, но против этого см. предыдущий пункт.

Исходя из этого следует заключить, что теория Дж. Греко нуждается в уточнении, без которого она будет либо тривиальна, либо ошибочна, точнее говоря, то и другое вместе.

3. Следует обратить внимание еще и на то, что теория Дж. Греко ничего не говорит об истинности или ложности знания, с которым она имеет дело. Это приводит к угрозе, что она будет оправдывать заблуждения, которые распространяются между людьми, что и порождает проблему демаркации. Автор пишет: «Резонно сделать так, чтобы информация, однажды пропущенная в систему, получившая печать как “пригодная к использованию” или “пригодная для того, чтобы стать основой действия”, распространялась относительно свободно» [Греко, 2017, с. 28]. В самом деле, в быту мы часто принимаем без какой-либо проверки поступающую информацию, но это так лишь потому, что мы заранее идентифицировали источник этой информации как надежный, а ее ценность – как сравнительно низкую. Однако даже к надежному источнику предъявляются повышенные требования, когда речь идет о жизненно важной информации. Кроме того, едва ли можно сомневаться в том, что информация, пропущенная однажды в систему, может устареть и превратиться в заблуждение. Тем не менее, исходя из теории различия между распространением и приобретением знания от свидетельства, такое заблуждение нужно будет считать именно знанием, даже если оно уже перестало быть таковым.

Приведу пример. Геоцентрическая модель Вселенной, пропущенная однажды в систему и получившая печать как «пригодная к использованию», вряд ли должна на этом основании свободно распространяться в школах под видом истинной. Сюда следует отнести и астрологические прогнозы, которые совершенно свободно распро-

страняются в средствах массовой информации, однако не являются знаниями, хотя и выдаются за таковые. Это относится и к бесчисленному множеству мифов, распространяющихся в обыденной жизни. Все это заставляет усомниться в продуктивности предлагаемой Дж. Греко теории, а также наводит на мысль, что к свидетельскому знанию, которое распространяется относительно свободно, зачастую следует предъявлять не меньшие требования, чем к приобретению знания. Иными словами, обращение к понятию системы ничего не меняет в плане эпистемической требовательности. Конечно, информация, однажды пропущенная в систему и получившая печать как «пригодная к использованию» или «пригодная для того, чтобы стать основой действия», естественным образом распространяется более свободно, нежели какая-либо новая информация, которая нуждается в проверке. Но наши представления о мире меняются, да и сам мир непостоянен, вследствие чего и возникает проблема демаркации, ибо многое из того, чему учили в школах и университетах в прошлом, уже не может быть квалифицировано как знание. Следовательно, даже информация, получившая печать как «пригодная к использованию», полученная из надежного источника, еще не может считаться знанием, ибо очевидное не значит истинное.

4. Иначе говоря, распространение знания также не представляет собой единого вида, но может быть разделено по меньшей мере на несколько подвидов, в зависимости от объема, ценности и актуальности информации. Поясню опять-таки на примерах.

Критерий объема: слова матери о том, что в холодильнике есть молоко, касаются небольшого круга лиц, заинтересованных в этом; однако рассказ учителя, что Англия расположена западнее Франции, затрагивает намного большее число людей, причем не только школьников. Резонно предположить, что информация меньшего объема должна подвергаться меньшей проверке, нежели информация большего объема, от которой зависит большее количество людей. Тем более это относится к той информации, которая включается в научную картину мира и так или иначе затрагивает вообще всех людей.

Критерий ценности: два школьника на уроке узнают о том, что Англия расположена западнее Франции, при этом один ученик не придает этой информации никакого значения, тогда как другой очень заинтересовался (допустим, он мечтает стать путешественником), поэтому, придя домой, он открывает карту и проверяет, действительно ли это так и насколько Лондон дальше от Москвы, чем Париж. Одной и той же информации придается разная ценность, вследствие чего к ней предъявляются разные требования: в первом случае она просто принимается на веру, во втором она проверяется и уточняется. Но как в таком случае определить, распространение или приобретение имеет место на уроке географии? Приведу еще пример. Мать сообщает

сыну, что в холодильнике есть молоко, а заодно добавляет, что из-за протечки трубы в доме отключена горячая вода. Сын не придает никакого значения наличию молока в холодильнике, но его приводит в сильное волнение сообщение об отсутствии горячей воды, потому что через час у него свидание. Сын пулей летит в ванную, чтобы удостовериться, действительно ли нет горячей воды и ему придется идти на первое свидание с грязной головой. Информация, которая в другой ситуации была бы воспринята совершенно иначе, в данном случае заставляет мозг молодого человека напряженно работать, потому что он оценивает ее как более важную, чем наличие молока в холодильнике.

Критерий актуальности: каким образом теория различия распространения и приобретения знания может приблизить нас к истине? Если это научная теория, которая должна приблизить нас к решению проблемы демаркации, то она должна быть ориентирована на истину, однако в теории Дж. Греко этого, как кажется, не прослеживается.

Отсюда следуют, по меньшей мере, два вывода:

1) различие видов знания, предлагаемых автором статьи, может зависеть от случайного стечения обстоятельств, а потому не является обязательным и необходимым, вследствие чего на этом основании проблематично строить научную теорию;

2) знания, полученные от свидетельства-распространения, не представляют собой единого вида.

Подводя итог, следует сказать, что теория Дж. Греко нуждается в существенных уточнениях, без которых она остается уязвимой для критики. Однако это не умаляет ценности некоторых пронизательных выводов, которые делает автор статьи.

Список литературы

Греко, 2017 – *Греко Дж.* Свидетельство и передача религиозного знания // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2017. Т. 53. № 3. С. 19–47.

Касавин, 2013 – *Касавин И.Т.* Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // *Вопр. философии.* 2013. № 6. С. 46–57.

Столяров, 2004 – *Столяров А.А.* Патрология и патристика. М.: ГЛК, 2004. 158 с.

References

Greco, J. “Svidetel’stvo i peredacha religioznogo znaniya” [Testimony and the transmission of religious knowledge], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, Vol. 53, No. 3, pp. 19–47. (In Russian)

Kasavin, I. T. “Znanie i kommunikatsiya: k sovremennym diskussiyam v analiticheskoi filosofii” [Knowledge and communication: contemporary discussions in analytical philosophy], *Voprosy filosofii*, 2013, No. 6, pp. 46–57 (In Russian)

Stolyarov, A. A. *Patrologiya i patristika* [Patrology and Patristics]. Moscow: GLK, 2004. 158 pp. (In Russian)